

После ужина Толя надел фартук и вымыл посуду. Плохо. Толя всегда моет посуду плохо: остаются жирные пятна и раковина засоряется. Тогда Толя пробивает ее вантузом. Вантуз присасывается резиновой подошвой и усердно чавкает, но справляется не всегда. Нужно звать сантехника, а до его прихода вычерпывать грязную воду в кастрюльку и бегать, выливать в унитаз. Елена Ивановна и Дед не критикуют Толью, он сам расстраивается.

В этот раз обошлось. Раковина прощально всхлипнула, втягивая остатки воды, Толя утрамбовал мусор в пластиковый мешок и собрался уходить.

— Чем завтракать будешь? — остановила его Елена Ивановна.

— Да что-то там... — застеснялся Толя.

— Стоять! — приказал Дед. — Мать, организуй!

— Без твоих указаний не додумаюсь, — отмахнулась Елена Ивановна. — Банки где?

С баночек все и началось. Пятнадцать лет назад. Не с этих, конечно. Те давно разбились, только крышечки остались. Пластмассовые, пожелтевшие, тронутые паутиной трещин. Но одна, голубая, не пожелтела. Так, выцвела слегка. Зато самая надежная. Плотная. Ею Эля запечатывала суп, чтобы не пролился. Стелила на дно плетеной корзинки вышитое наглаженное полотенце, выстреливающее крахмальными фестонами, прижимала его тяжелой баночкой с супом, а вокруг устраивала хоровод из баночек с салатом, гарниром, котлетками; заворачивала в кружевную салфетку вилку, ложку, нож; пристраивала тонко нарезанный хлеб; втискивала бутылочку Боржоми, выskalзывала за дверь и бежала, бежала в легких кроссовках на школьный стадион — туда, где бегал Толя.

Эля не пропускала ни одного радостного розового утра, даже субботнего или воскресного, что было на нее совсем непохоже: раньше, до Толи, она вставала к обеду, лениво потягивалась, бродила по квартире, неспешно просыпаясь. Торопиться было некуда, потому что Эля искала работу. Точнее, искал Дед — папа лучше знал, что ей надо. Рыхлые записные книжки разбухали, теряли страницы, восстанавливались чужеродными исписанными обрывками; пепельницы ощетинились, телефонный шнур змеился, папа ругался и заигрывал с трубкой, а Эля... Эля бежала на стадион.

Она вставала рано, когда воробьи за окном начинали утренний скандал, дворничиха методично шаркала метлой, сосед поливал анютины глазки из лейки, а те вздрагивали и ежились под тяжелыми каплями.

Легкий ветерок, легкие шаги, легкие облака, тяжелая корзинка — туда, легкая — обратно. Эля влюбилась и собралась замуж. Толя был не против. Но против был папа.

— Куда тебя носит ни свет ни заря?

— На стадион. Спортом заниматься!

— Ты? Спортом?! По утрам?!!

— Почему нет? Хочешь, чтобы я разжирила?

— Хм. Предположим. А корзинка для чего?

— Я там кушаю. После тренировки.

— Но этим можно прокормить футбольную команду! — возмущался папа.

— Что ты пристал к ребенку? — не выдерживала Елена Ивановна. — Пусть уже ест хоть где-нибудь, а то диеты! Вечные диеты!

— Пусть, — уступал папа.

Эля была поздним ребенком. У некоторых легкомысленных сверстников Елены Ивановны и Деда уже первые внуки появились, когда наконец родилась Эля. На нее обрушился многолетний нерастраченный запас родительской любви. Любовь выражалась не только в усиленном кормлении, но и в решимости как можно дольше хранить дочь под стеклянным колпаком.

И вот Эля вспорхнула, смахнула колпак и собралась замуж. После беглого знакомства папа четко сформулировал, почему Толя не годится: потому что нужен американский миллионер. Наши, отечественные, тоже не годятся. Где взять американского миллионера, и почему именно американского, а не бразильского или норвежского, папа не уточнял, но твердо был намерен оставить бесперспективные поиски работы и сконцентрироваться на генеральной линии.

Эля проявила твердость характера. В чувствах Толи она не сомневалась. У нее были основания: пышная грудь, длинные ноги, персиковый румянец и роскошные медные волосы. Кое-кто даже утверждал, что Эля похожа на Венеру Боттичелли. Правда, Толя про Боттичелли слыхом не слыхивал. Ему было некогда: он усиленно тренировался в ожидании одаренных детей, которых будет воспитывать для олимпийского резерва. А пока подвозил случайных пассажиров на верном москвиче.

Елена Ивановна набила баночки остатками ужина: гречкой, неизменными котлетками и блинчиками, фаршированными творогом с изюмом.

— Не забудь завтра колбаски купить. «Георгиевской», — напомнил Дед.

— Когда я забывал? — удивился Толя.

— Еще вермишель кончилась, бананы, порошок и мыло, — деловито перечислила Елена Ивановна. — Вот деньги, должно хватить.

— В ближний магазин не ходи, там дорого. Покупай в дальнем, — добавил Дед.

Продукты купил не там, где Дед велел, а на рынке. Южные люди торгуют южными фруктами, приплясывают, натягивают до глаз вязаные шапки, бегают в палатки погреться. А нежная хурма стекленеет, вспоротые гранаты тщетно прикрывают белесой пленкой беззащитные зерна, дрожат в тонких шубках киви и персики, бананы чернеют от замороженными боками. Интересно, откуда они берутся зимой? Говорят, их выращивают на какой-то гидропонике, везут в мерзлых трюмах зелеными, и уже здесь, у нас, травят ядовитыми газами, чтобы они покраснели или пожелтели — кому как положено. Но Толе это не нравится.

Он думает, что в другом полушарии лето. И там, в этом лете, под золотым небом наливаются рубиновыми, янтарными, медовыми соками экзотические плоды. Их собирают веселые гибкие девушки и бережно укладывают в плетеные корзины, но сначала стелют на дно вышитое наглаженное полотенце, выстреливающее крахмальными фестонами, прижимают его в центре самым крупным оранжевым солнцем, а вокруг выстраивают хоровод из тех, что помельче...

По дороге заглянул на школьный стадион, подтянулся на турнике. Жаль, пробежаться нельзя. Дорожки прячутся под смерзшимся снегом, исполосованным заледеневшей лыжной. Холодное солнце висит апельсином в хмуром небе, золотит серые облака. Если прикрыть глаза, вспыхивают огненные блики. Далекий звонок поет песню свободы, и туча оранжевых попугаев возмущенно взмывает, закрывая полнеба. «Надо же, как расплодилось, — думает Толя. — Надо бы их переловить да в зоопарк отправить. Никому дела нет. Полный бардак в стране».

***

Если бы папина знакомая не встретила папу с Элей у станции метро, она бы не подбросила им кошку и идею про волонтеров. Кошка появилась через месяц, а волонтерская идея сработала через год.

Папа с Элей вышли вечером прогуляться, подышать свежим воздухом: готовились к выпускным экзаменам в институте и очень устали. Папа читал вслух параграф из учебника, а потом задавал вопросы, но отвлекался. Спрашивал не по программе. Например, просил уточнить, какую именно киевскую гимназию окончила Анна Ахматова и, кстати, какова ее девичья фамилия? Или где находится здание медицинского факультета, где учился Михаил Булгаков? Эля злилась. Эти факты не имели к делу никакого отношения. Ее и так уже тошнило от символистов, футуристов, имажинистов и основных представителей.

Случайная знакомая, имени которой никто не помнил (папа колебался между Инной и Вероникой, но склонялся в пользу Эммы), окликнула их.

— Больше не могу в этом дурдоме, — пожаловалась она и беспомощно оглянулась.

Обычная картина: торговцы, нищие, жулики, музыканты. У каждого свой маленький бизнес. Кто тряпками трясет, кто в трубу дудит, кто валюту меняет. Никаких митингов, лозунгов, призывов — они в центре, на площади, недавно переименованной в честь Независимости.

— А! Решились ехать? Правильно, — одобрил папа.

— Наверное... — неуверенно согласилась знакомая. — Говорят, снова голодомор будет. И никакого иммунитета с этой радиацией. И откуда я должна знать про форточку?

— Форточку?!

— А! Вы не знаете эти новости? Какие-то бандиты ходят по городу и спрашивают, как по-украински будет форточка. А я знаю?

— Кваторка, — подсказала Эля.

— И что, по-вашему, я должна это знать? А кто не знает, тому — в морду! Все! Еду...

Почему-то было очевидно, что в любой стороне света она будет маяться. Но Дед ее горячо поддержал:

— В Германию? Все нормальные люди едут в Германию, там хорошие льготы. Можно в Канаду или Штаты, но надо связи. У вас есть связи?

— Откуда? — поникла знакомая. — В Израиль поеду. Сын моей сотрудницы недавно ездил. По волонтерской программе. Так он рассказывал: хорошая возможность посмотреть страну. Только посмотреть, потому что какие там заработки? Одни слезы.

— И что?

— И вот что: страну он таки посмотрел. Надо ехать. Там солнце. А тут что?

Киевское солнце спряталось за домами, устав плавить асфальт.

— Так вы уже учите язык? Надо иврит и английский. Только не идиш. Идиш там никому не нужен.

— Там выучу. Там курсы...

— Солнце... — ни к кому не обращаясь, обронила Эля.

— Море... — задумчиво подхватила знакомая и решительно добавила: — Дайте ваш телефон. Что-нибудь на память оставлю.

Все уезжающие оставляли что-нибудь на память. Иногда память оказывалась весьма ценной: не потащишь с собой люстру с висюльками времен развитого социализма или чешскую стенку тех же времен, добытые по блату. Тяжелые каракулевые шубы, пропахшие нафталином, и норковые негнущиеся шапки фасона «молодая жена» в Израиле ни к чему — там солнце. Хрустальные вазы, салатницы, фужеры тяжелы и ненадежны в дороге. Их место — в той же чешской стенке, рядом со слониками, балеринами и пастушками, а вовсе не в чемоданах. Да и вес ограничен: тридцать кг на человека. Вот и приходится все раздавать.

«Берите-берите, не думайте. Пусть уж наш буфет (кушетка, кресло, чайник, торшер) останется у хороших людей. Этот буфет пошел бабушке в приданое еще до революции, и он выжил, не попал в буржуйку или на черный рынок в обмен на муку и маргарин. Он и сейчас держится молодцом: еще сто лет простоит, умели же делать когда-то вещи. Вот тут, видите, царапины, — так это наш Фимочка взял ножик и хотел уже вырезать картину (такой талантливый ребенок, сейчас он, конечно, эндокринолог). А тут — ничего страшного, немножко прожжено, так это когда наш Арончик женился, Софочка готовила ему завтрак и поставила, бедная девочка, сковородку прямо на парадную полку, чтоб она была нам жива и здорова. Сейчас, слава богу, она хозяйка. Но можно постелить салфеточку — и никто не заметит...»

— Только не утюг! — испугался Дед. — У нас уже четыре.

— Нам одни утюги достаются, — засмеялась Эля.

Через месяц, когда экзамены были сданы, и девушки в вечерних платьях по очереди оттанцевали на выпускном балу с единственным мальчиком-однокурсником, знакомая принесла кошку. Конечно, предварительно позвонила. Адреса-то она не знала. Если бы по-человечески предупредила про кошку, перед ней бы вежливо извинились и отказались от подарка. Категорически! Ну и что, что умна, как царица Савская, и так же красива? Ну и что, что ходит на унитаз? Нет-нет-нет, даже не уговаривайте. Мы все знаем. Запах, и все ободрано. Как это нет запаха? Фиалками она у вас пахнет? Нет-нет-нет, даже не просите.

Но знакомая принесла кошку вероломно, без всякого предупреждения. Эля одна дома была, отбиваться некому: Елена Ивановна на рынок ушла, Дед в киоск за газетами. Вернулись, когда уже поздно было. Порывались хозяйку кошки разыскивать, возвращать подарок. Но как ее найдешь, эту то ли Инну, то ли Веронику, то ли тем более — Эмму. Елена Ивановна сгоряча попыталась выгнать незваную гостью, но Эля прижала ее к груди — не оторвать.

— Мам, посмотри, какая красавица! Кошечка моя, кошечка...

— Кошечка! — раскипятилась Елена Ивановна. — Замуж тебе надо, мужа гладить, а не животное! Кара господня, а не девка, кара!

И ведь накаркала. Из-за кошки все и пошло кувыркком. Хотя она ничего не ободрала и в туалет ходила по-честному. И красотой отличалась необыкновенной: толстая, гладкая, лоснящаяся мраморными разводами. Но вот характер... Чихать она хотела на всякие нежности. Снисходительно принимала заботу, брезгливо ела специально приготовленную рыбу, а в остальное время наводила красоту или спала. Ласки не терпела, на коленях не сидела, гладить себя не позволяла. Эля не выдерживала: ловила, зажимала и наглаживала. Недолго. Кошка вырывалась и с достоинством удалялась.

Однажды удалилась совсем. Выскользнула в приоткрытую дверь — никто и не заметил. Дед объявления по всему району расклеил, Елена Ивановна соседей опросила. Эля бегала. Звала, заглядывала в подвалы, палисадники, подъезды и забежала на школьный стадион. Каждой скамейке поклонилась, заросли кустарника обшарила.

— Кошку не видели? Большую такую, трехцветную? — спросила пробегающего спортсмена.

— Кого? — спортсмен перешел на «бег на месте».

— Кошку. С белыми носочками. Очень умную. Любит рыбу. Сама ходит... ой, а на лбу рыжее пятнышко. Помогите, пожалуйста. Как вас зовут?

— Толя...

Беглянку так и не нашли. Хотя и искали вместе до обеда. Толя достал из-под скамейки синюю спортивную сумку, протянул Эле половину магазинного пирожка с картошкой, честно разделенного по-братски. В этот момент Эля поняла: кормить, кормить и еще раз кормить.

Вон какой худой...

***

Несмотря на перестройку, Толя жил — не тужил. Выручали тетя Клава, Ашот и москвичок. Старенький, зато зеленый. Дружочек верный. Толя его лелеял: мыл и чинил. Ну и подрабатывал с его помощью. На улице пассажиров подбирал редко — неизвестно на кого нарвешься, да и конкуренты могли по шее надавать. Соседей и знакомых обслуживал: кого на дачу, кого в село. У всех родственники в селе, не пропадешь.

Толе за работу перепали то полмешка картошки, то шмат сала. Некоторые рассчитывались подпорченными продуктами, но это не страшно. Обрезать подгнившие бока лука или огурцов — и порядок. Треснувшие помидоры всегда можно на аджику перекрутить. А что денег не давали — какой с них толк? Ничего не купишь — так, фантики. Они нужны за квартиру-свет заплатить да масло-фильтры поменять, бак залить. Толя приспособился левый бензин на продукты выменивать. Натуральное хозяйство.

Настоящими деньгами, американскими, рассчитывались уезжающие за границу. Самолет улетал на рассвете, но ночью никто не рисковал выбираться в Борисполь. В темноте машины разными хитрыми способами останавливали на трассе и грабили. Отправлялись накануне, до сумерек. Конечно, ночь приходилось куковать на жестких креслицах, а то и на полу. Зато Толе удобно: приехал — счастливого пути! — и уехал.

Ашот, правда, ворчал: ему как раз Толя позарез нужен был. Товар разгрузить, в контейнер перетащить. Торговля бойкая на рынке идет, успевай поворачиваться. Все потому, что Ашот не жадничает, цены до небес не задирает. А если брак попадется — пятно на футболке или дырка на ветровке — как раз Толе в счет зарплаты. Пятно отстирается, дырка зашьется, зато одет-обут.

К тете Клаве летом часто выбирался. Огород вскопать, картошку посадить-окучить-собрать, плетень починить, хату побелить, колодец почистить. Тетка щедро нагружала москвичок. Уезжали корзины с клубникой, ведра с малиной и смородиной, сливами и абрикосами, прикрытые от пыли марлевыми тряпочками; ящики с огурцами, помидорами, перцем, луком, кукурузой. Толе одному не осилить, но есть рынок.

Ближе к осени ехала картошка в мешках, привязанных накрепко к багажнику на крыше; потом собирались в дорогу банки с соленьями-маринадами, вареньем

(самое знатное у тетки — крыжовенное); бутылки с тягучим подсолнечным маслом, выжатым на крошечном заводике в соседнем селе. В ноябре резали кабанчика, и, само собой, Толе доставались мясо, кровяная колбаса и сало, засоленное с чесночком и укропом.

Тетка Элю одобрила. Дивчина красивая, образованная. Правда, повыдергала морковку вместо сурепки да молочая — но откуда ей знать? Городская... А племяннику давно жениться пора: вот помрет тетка, и кому он нужен на старости лет? Вон Надька, соседка, сколько лет его ждет. Всех женихов отвадила, а Толя голову в ее сторону не повернет.

Все друзья давно переженились. Петро трех деток поднял, старшие уже в институте, малая восьмой класс кончает. Федько тут, в селе, женился, потом в Каневе женился. Та какой там гарем? Не за один раз, по очереди. Виталик... та какой Виталик — такой, шо у бабы Кати Макитручки племянник. Та какая родня? Через дорогу напрысядки — такая родня. Ну и шо, развелся? Ты спочатку оженись, потом разводишься сколько влезет! И нечего дивчине голову морочить!

Толя крепко задумался. Надо жениться? Эля уже три недели с корзинкой прибегаёт. Эх, не надо было поддаваться, но из корзинки так вкусно пахло. Особенно эти рыбные котлетки с морковкой, аж розовые...

***

Утренние пробежки уже осточертели. Болел бок, на футболке расплывались мокрые пятна, волосы прилипали к влажному лбу, и все лицо красное. Потом еще надо было присесть, делать наклоны и висеть на перекладине как мешок с картошкой. Эля старалась, терпела, а потом перешла к решительным действиям. Подбросила в Толину сумку пейджер. И как он туда попал? А вечером явилась к Толе домой: ты мой пейджер случайно не видел?

Толя удивился. Он не знал, что Эля его давно выследила. Так это проще простого — дом почти рядом, через дорогу и направо, а этаж второй. Даже лифт не нужен.

В однокомнатной квартире, как на военном корабле, — чисто и ничего лишнего. Спартанская кровать, гладко застеленная суконным одеялом, черно-белый телевизор, стул, шкаф и никаких занавесок. Окна на пустырь выходят, подглядывать некому.

Толку из продуманного плана не вышло: чаю попили с прошлогодним вареньем да полистали дембельский альбом двадцатилетней давности. На помутневших фотографиях, любовно обведенных цветными завитушками, плескалось тяжелое серое море, кренились стальные корабли, сидели жирные белые чайки, хмурились юные моряки, курились далекие вулканы.

Соленый ветер брызнул в окно, мелькнуло белое крыло. Эля перегнулась через подоконник — внизу белело полотенце. Улетело с верхнего балкона.

— Поздно уже, — Толя захлопнул альбом. — Завтра вставать рано. В село надо.

— Ну, я пошла. Пока!

Хоть бы проводить додумался! Вот чурбан бесчувственный! Но все-таки лучше, чем мальчишки с потными лапами. Одни глупости на уме. А хочется надеть воздушное платье и прозрачную фату с серебряной отделкой, завести троих детей... Нет, лучше двоих, мальчика и девочку. Девочку нужно будет наряжать и локоны накручивать, а мальчика отдать в спортивную секцию.

Еще надо диван купить приличный, чтобы раскладывался, и тюль повесить. Голубого цвета, с вышитыми гладью узорами, индус на рынке продает. Высоту взять два с половиной, а ширину побольше. Метра четыре или даже пять. Пусть падает складками. Красиво...

Ожил пейджер: «Немедленно где находишься папа». Эля вздохнула. С этим проклятым пейджером постоянно приходилось срочно искать телефон и доклады-вать. Благо в сумочке всегда куча пластиковых жетонов — папа обеспечивал. Но сейчас звонить никакого смысла. Осталось только за угол повернуть и...

— Эля! Наконец-то! Что случилось? — у подъезда метался встревоженный папа.

— Куда ты пропала? — в окне третьего этажа волновалась Елена Ивановна.

— Ходила к Маше, завтра едем в село к ее бабушке.

— На чем? Зачем? Куда?

— На речном трамвае, под Каневом, яблоки собирать. Яблоко — завались, «белый налив». Вкусные!

— Голову напечет. Будет солнечный удар!

— А телефон там есть? — спохватился папа.

— Нет там никакого телефона! — рассердилась Эля.

— Как это нет телефона? А в сельсовете?

— Все! — решительно объявила Эля. — Никаких телефонов, пейджеров и телеграмм. Пишите письма.

Утром Елена Ивановна приготовила капроновую кружевную шляпу с гигантскими полями, крем от комаров и влажные салфетки.

— Еще противогаз, плаз, — пробурчала Эля, но ее никто не услышал: Елена Ивановна паковала еду, а Дед в темпе одевался — провожать.

Доехали на метро до речного вокзала, купили билет. Хорошо, что вчера выспросила у Толи, где тетка живет. Он и не догадался, зачем. Вот будет сюрприз!

— А где Маша? — оглянулся Дед.

— Первым «метеором» усвистела, — нашла Эля. — Мы-то три часа копались.

— Откуда ты знаешь? Она звонила? Я не слышал.

— Ты в ванной песни пел.

— Что за глупая идея — тащиться неизвестно куда, неизвестно зачем, — проворчал папа.

Если бы идея принадлежала ему — тогда да. Элю с самого нежного возраста куда-то отправляли: на экскурсии, в лагерь и санатории. Добывались путевки, подбирались попутчики, завязывались знакомства. Ни одни каникулы не обошлись без путешествий. Дед был готов заслать дочь хоть на Марс, но при одном условии: организация лежала на нем.

Эля должна была минимум два раза в день отзваниваться и сообщать, что у нее все в порядке. Но этого оказывалось недостаточно, и тогда в инспекторские поездки снаряжалась Елена Ивановна или отправлялся сам папа. Приходилось сохранять инкогнито, прятаться в кустах или изображать дачника. Где хочу, там отдыхаю. Гуляю, цветочки нюхаю.

Эля чмокнула папу в щеку, взлетела по шатким сходням, облокотилась на поручень и помахала рукой. «Ракета» вздрогнула и рванулась, вздыбив за собой белопенные усы. Папа стоял и смотрел вслед. Будто дочь на год уплывает за синие моря, за высокие горы, за тридевять земель. Веселый ветер трепал волосы, развевал широкую юбку. Цветные флажки трещали и хлопали, рвались на речной простор.

Толя удивился еще сильнее, чем вчера, а тетка нисколько — будто знала, что Эля приедет. Забегала, захлопотала, налила густого молока из крынки, отрезала добрый ломоть паляницы.

В хате после ослепительного солнца было прохладно и полутемно. Надо же! Пол земляной. Утрамбованный, утопанный как асфальт, красноватый как кирпич, но все-таки земляной. «Мыть зато не надо, — догадалась Эля. — Подмел и порядок».

Постепенно глаза привыкали к сумраку. Резные салфетки, занавески на промытых до блеска оконцах; скатерть, расшитая розами; на стенах пожелтевшие

фотографии и картинки из «Работницы», золотые гирлянды лука, огненные связки перца. На полке, покрытой рушником, мутное зеркало, флакон из-под духов, свинка-копилка. Кровать с металлическими шпичками на спинке прячется в груди подушек, а над ними коврик. Здоровенный охотник целится из ружья в крошечного, лохматого, перепуганного льва.

Тетка стала уговаривать полежать, отдохнуть с дороги, но Эля не барыня. Из художественной литературы она прекрасно усвоила: хочешь понравиться будущей свекрови, изображай трудолюбие. Тетка — не свекровь, но все же. Ее поддержка очень важна.

Эля выпросила работу. Она помогать приехала, а не рассиживаться или даже разлеживаться. Ей очень понравилась новая роль, и она старательно изображала пейзажничку. Этакая пастораль: белая хатка, соломенная крыша, глянецовый плетень (и подсолнух! куда же без подсолнуха?), скрипучий колодец, грядка с морковкой.

Эх, надо было перчатки из дома захватить! Это — мясистое, колючее — не ухватишь. А это вообще не выдергивается: сверху отрывается, снизу в земле остается. Но понемногу приспособилась. Устала. Кое-как отмыла руки под жестяным умывальником, прибитым к стене сарая. Села в кудрявую травку под абрикосовым деревом, в тени, юбку раскинула волнами. Как на картине французского импрессиониста Моне. Или Мане?

Ах, хорошо! Толя на самом солнцепеке дрова колет. Ловко у него получается: раз! раз! Абрикосы вокруг лежат — спелые, оранжевые, бархатистые. И ничего их не надо мыть. Сладкие...

Спать хочется... Солнечные блики пробиваются сквозь листву, вспыхивают. Зашумела крыльями стая попугаев, налетела оранжевым облаком, накрыла огород. Огненные перышки закружились, порхая в воздухе.

Слышно, как тетя Клава кричит, гоняет рыжих разбойников:

— Геть! Геть отсюда, паршивцы! Всю капусту мне потолкли!

Прибежала под дерево, угощение принесла. В глиняной миске румяные булочки, политые чем-то янтарно-прозрачным, посыпанные чем-то белым.

— Спасибо. Обожаю булочки с медом, — вежливо поблагодарила Эля, отодвинув мысль о лишних килограммах. Потом. Сейчас не до фигуры.

— Пампушки, — засмеялась тетя Клава. — С маслом та чесноком.

С чесноком? Это меняет дело. Чеснока нам не хватало! А вдруг придется целоваться?

***

— Врагу не сдастся наш гордый «Варяг»! — запел Дед, глядя вслед уносящейся «ракете».

Темнит Эля. Ни к какой Машкиной бабушке она не поехала. «Дзинь!» — подтвердил эмалированный тазик с пирожками, наспех втиснутый Еленой Ивановной в авоську. Нужно позвонить Машке и все выяснить. Нет, не нужно. Кроме крика, ничего не добьешься. Надо все продумать, рассчитать и принять экстренные меры.

Итак, что мы имеем? Утром убегает, вечером исчезает, теперь вообще уезжает. То есть уплывает. Причем без пирожков. Мать тоже хороша: додумалась таз всунуть. Еще бы ведро снарядила.

Вывод: роман. Неизвестно с кем. И что, Эля может самостоятельно завести роман?

Решение: надо немедленно все взять в свои руки. Фимин сын не годится — лоботряс. Внук Марика тоже не годится — уже женился. Прямо невтерпеж ему.

Но надо подумать. Из внука может получиться что-нибудь, если он уже бросит свою скрипку и займется нормальным делом.

Так. Что еще? Арон! Точно! Как можно было забыть за Арона? У него же сын в Америке, а у сына бизнес — то ли бензоколонка, то ли автосервис, но Арон ходит довольный в новых штанах и рубашке с иностранными буквами. Срочно позвонить Арону. На всякий случай надо иметь запасные варианты. Позвонить Светке, пусть позвонит Оле и спросит.

Дед поднял повыше голову, поправил боевой шлем и латы, ухватил покрепче копье и, потрясая щитом, бодрым шагом двинулся к метро. Боевой щит, наполненный пирожками, лязгал, задевая фонарные столбы, прохожие почтительно расступались, труба в подземном переходе грянула «Прощание славянки».

В кухне на Владимирской улице вздрогнул Арон, пролил кофе на рубашку с иностранными буквами; Светка задумалась и купила не ту сметану на Бессарабском рынке; Оля, подчинившись странному томлению, выдернула телефонный провод из розетки, несмотря на то что ждала важного звонка из Чернигова; Марик внезапно поехал на вокзал и впрыгнул в поезд «Москва — Одесса»; Фима ринулся в посольство Уругвая просить политического убежища; вулкан Гекла заворчал в далекой Исландии; выкипали борщи, подгорали котлеты, убежали бульоны, разбивались чашки в домах близких и дальних родственников; почтальонша Галя надела самые растоптанные босоножки — ей предстоял трудный день.

Дед вышел на перрон и призывно свистнул. Вдали заржал верный Росинант, прискакал, высекая искры из рельс. Дед легко вскочил на коня, тот взвыл и помчался галопом по черному туннелю. Дед не удержался и покатился, громыхая латами. На помощь бросился юноша в очках, поднял пострадавшего, отряхнул латы и хотел усадить на свое место, но Дед приказал:

— Сидеть!

Юноша растерялся и плюхнулся на сиденье, а Дед продолжил наступление:

— Ду ю спик инглиш? Парле ву франсе? Шпрехен зи дойч? Чем занимаешься?

— А? — еще больше растерялся молодой человек. — Книжку читаю...

— Книжку! — возмутился Дед. — Я про дело спрашиваю. Работаешь где?

— Учусь. На четвертом курсе. Прикладная математика.

— Чему равен квадрат гипотенузы? — юноша снова приподнялся, но Дед скомандовал: — Сидеть! Как зовут?

— Гена... То есть Геннадий.

— Короче так, Геннадий. Завтра явишься ко мне в восемнадцать ноль-ноль.

Будем твою математику прикладывать к нужному месту.

Балансируя, достал из кармана записную книжку и огрызок карандаша, нацарапал адрес.

— Держи. Короче: завтра как штык! Понял?

— Понял. О, моя остановка!

— Давай. До завтра.

Так. Вроде годится. Симпатичный, в очках и книжку читает. Кажется, неглупый парень, но надо его нацелить на что-нибудь более перспективное. Кому в наше время нужна прикладная математика? Кооператив надо открывать. На всякий случай позвонить Борису...

На улице отлавливал потенциальных женихов. Огорошив стремительным наскоком, записывал данные и приказывал явиться завтра ровно в восемнадцать ноль-ноль по указанному адресу:

— Будем проводить смотр боевой и политической подготовки!

Набив записную книжку женихами, остановился у автомата попить водички. Женихи, подхваченные порывом ветра, полетели над Оболонью и Печерском, Дар-

ницей и Куреневкой, Лукьяновкой и Голосеевским лесом. Они кружились, планировали и опускались на тротуары, газоны, клумбы и лотки с польским трикотажем.

Ругались дворники, удивлялись метеорологи, трепетали юные девы. Кордебалет оперного театра сбился с такта, медсестры выронили карточки, корректорши пропустили ошибки, воспитательница детского сада «Попелюшка» разучила с детьми песню «Зачем вы, девочки, красивых любите?».

Дед смотрел на бумажную метель, не теряя бодрости духа. Пусть летят они, летят... Лучше найдем.

— Мать! — закричал он с порога. — Я организовал жениха нашей Эльке! Завтра придет. Уже пеки пироги.

— Совсем сдурил? Какой жених? Какие пироги? Без твоих указаний не обойдусь?!

— Тише, Маня, вы не на работе.

— Какая Маня? Какая еще Маня у тебя образовалась? Я тебе такую Маню устрою!

Дед вздохнул. Нет пророка в своем отечестве...

***

В Тихом океане плеснула хвостом гигантская серебристая рыбина, разбудила ветер. Он полетел, набирая силу, погнал тяжелые сизые тучи над Приморьем. Уличные сапожники-китайцы ловили улетающие туфли, расклейщики афиш прижимали к тумбам алые юбки рвущихся танцовщиц, тигр на задворках цирка подпевал грому, кандидат философских наук задумчиво созерцал свою летящую шляпу, хрупкая девушка догоняла песню, написанную этой ночью, старик кричал троллейбусу, чтоб он крепче держался за провода.

Ветер выхватил письмо юной китайки, которое она писала возлюбленному, сидя за швейной машинкой на углу Постышева, сделал крюк над Фуцзинем, швырнул недописанный листочек на гончарный круг и, хохоча, умчался. Юноша взял его, пачкая красной глиной, и прочитал: «Люблю люблю люблю люблю люблю...»

Тучи, рыча и сверкая молниями, неслись на запад. Раскрывали бесполезные зонты осторожные евреи, распахивали окна бесстрашные потомки декабристов, привязывали лодки опытные удэйгейцы. Ветер веселился. Хотел испусть поезд в Байкале, сорвать крышу поликлиники № 3 в Новосибирске, покатать колесо обозрения в омском парке культуры и отдыха, но налетел на Уральские горы, ударился грудью и упал в ущелье. Переполненные тучи, устав от бешеной гонки, обрушились ливнем, и там, где на склонах отшумели потоки, распустились белые цветы.

Ни одна капля, ни одно дуновение ветерка не долетели до Киева. Был чуден Днепр, сияло ласковое солнышко, голубело чистое небо, зеленел намытый до блеска москвичок с атласным бантом на правом зеркале. Из подъезда вышли Эля в белоснежном воздушном платье, заплаканная Елена Ивановна и целеустремленный Дед.

Запели скрипки, запорхали райские птицы, и одна из них сказала человеческим голосом: «Объявляю вас мужем и женой».

В распахнутые настежь двери с поздравлениями и пожеланиями входили родственники и друзья, почтальонша Галя, заместитель лидера политической партии с секретаршей, начинающий бизнесмен, водитель трамвая № 21, представитель компании «Кока-кола», заведующая детской районной библиотекой, чья-то дочка из Швеции, владелица авиакассы, комендант общежития профтехучилища работников культуры, представители творческой интеллигенции, донецкие шахтеры, сахалинские рыбаки, комбайнер из Полтавской области, подающий надежды поэт и даже директор средней школы № 100 Подольского района.

В вальсе новобрачным пришлось топтаться в узком коридорчике у кухни, уворачиваясь от Елены Ивановны с пирогами. Заместитель лидера политической партии попросил минуточку внимания и наградил Деда членским билетом, авторучкой и футболкой с партийной символикой. Они застыли в рукопожатии, обернувшись к секретарше, деловито щелкающей фотоаппаратом.

Донецкие шахтеры сплотились с водителем трамвая № 21 и прогнали заместителя лидера, потому что с линией этой партии они были категорически не согласны. Забытая в суматохе секретарша потерянно бродила между гостями и восклицала: «Ну давайте я вам поиграю на пианино!»

Поэта посетило вдохновение, он заперся в туалете, не обращая внимания на настойчивые стуки. Комендант общежития требовал хорового исполнения нового гимна Украины, но, не добившись результата, обиделся и яростно накинулся на фаршированную рыбу.

Сахалинские рыбаки дружно навалились на пирог с картошкой, директор средней школы, надев кокетливый фартук с оборочками, подметал осколки бокалов, чья-то дочка из Швеции поочередно протягивала руку гостям, хозяевам и новобрачным: «Здравствуйте! Я хочу с вами познакомиться!», почтальонша Галя мыла посуду, Елена Ивановна срочно варила макароны в самой большой кастрюле.

Толя снял новенький костюм, зеленый галстук, белую рубашку, аккуратно сложил одежду на скамейку и, оставшись в трусиках и майке, побежал по дорожке стадиона. Новые туфли жали, но яркая луна освещала путь, ночная прохлада освежала разгоряченный лоб. Толя бежал и думал об одаренных детях, которых он уже совсем скоро начнет тренировать для олимпийского резерва.

Вдали слышалось дружное обещание: «Увезу тебя я в тундру, увезу к седым снегам», набирало мощь, становилось увереннее и в полную силу грянуло за спиной: «Мы поедем, мы помчимся на оленях утром ранним и отчаянно ворвемся прямо в снежную зарю, эгей!»

— Толя, стой!

— Подождите, я уже вся запыхалась!

— Остановитесь, я хочу с вами познакомиться!

— Толя, куда ты?

— Всем стоять! — скомандовал Дед.

Свадьба тяжело дышала. Отлетали пуговицы с блузки почтальонши Гали, катились в темноту, но бизнесмен их ловил и приносил обратно. Держалась за сердце Елена Ивановна, стонал директор школы, охал представитель компании «Кока-кола», раздавал одноразовые стаканчики запасливый комендант. Взбудораженное шампанское выстрелило и забило пенным фонтаном.

Толя бежал, бежал, бежал по кругу стадиона, легко и свободно, едва касаясь земли, устанавливая мировой рекорд, а на финише его ждала чудная фея в белом воздушном платье.

— Отбегался, милый, — сказала она... и ошиблась.

После свадьбы Толя бегал еще быстрее и дальше. Но об этом — позже. Потому что уже и луна пригасила сияние, набросив облачную накидку, и звезды потянулись вереницей к Днепру на водопой, и Дед угомонился.

Тиха украинская ночь...

***

На рассвете пели птицы. Щебетали, свистели, чирикали вразнобой. Одна особо настырная издавала однообразно-заунывные трели. Толя вздохнул, встал с

кровати и поплелся открывать. На пороге стоял бодрый Дед в спортивной кепке, с баулом в руках.

— Вставайте, граф! Вас ждут великие дела! — провозгласил он и громко добавил: — И графиня тоже!

— Что «графиня тоже»? — спросила сонная Эля. — Ждет вместе с делами?

— Не умничай. Р-р-рота, подъем!

Пришлось в темпе умываться, одеваться и пить кефир. Сели в машину: Дед на место главнокомандующего, Эля в тылу.

— Вперед! В Париж!

— Это где? — озабоченно спросил Толя. — В Дарнице есть кафе, кажется.

— В Дарнице! — рассердился Дед. — Я про настоящий Париж, а ты мне какое-то кафе дурацкое суешь. Но сначала в село заедем.

— Какое село? — Толя остановился у светофора, пережидая, пока оранжевая семейка попугаев проковыляет по переходу.

— Ты чего такой бестолковый? Где ты его взяла? — повернулся Дед к Эле. — К тетке твоей в село.

— А! Ну так бы сразу и говорили. А зачем?

— Дело государственной важности. Добывать секретные сведения. Нужен рецепт самогона.

— На что он вам?

— Будем стремительно обогащаться. Через Маню.

Маня, соседка по лестничной площадке, сделала головокружительную карьеру — от продавщицы магазина «Овощи-фрукты» до домработницы управляющего коньячной фирмой, да не где-нибудь, а в самой Франции. На днях позвонила и опрометчиво хвасталась успехами: и особняк на бульваре какого-то Сен, и вода горячая круглый год, и пальмы в кадках у подъезда, и вообще — Париж!

Уже выучила по-французскому «уй, месье», скоро накопит денег и купит домик в Скадовске, потому что там курорт. А? Не, пальмы в кадках не купит — на шо они, те пальмы? Чи я обезьяна какая по тем пальмам скакать? Лучше слухай суды: тут за углом в супермаркете клеенку дают. Всякую — и в цветах, и в горшках, и в клетках. Ты спроси у Лены — какую надо? В отпуск поеду и привезу. Еще скороварки есть и эти, как их... ну, шоб фарш крутить, только электрические.

Из Маниного потока Дед вычленил ключевые слова: коньяк, фирма, управляющий. Любому дураку ясно: коньяк — напиток аристократов, народу не по карману. А почему? А потому что сырье дорогое и процесс сложный. И никто до сих пор не додумался, что дело проще пареной репы. Делаем так: достаем рецепт самогона, едем в Париж и лично ведем переговоры с управляющим. Через Маню нельзя, все дело испортит — продешевит. И словарный запас у нее бедный.

Вздригнуло село, зашевелилось, бросилось к тусклым зеркалам, повязало парадные платки, надело слежавшиеся в сундуках наряды, зазвенело монистами. Вытянули шеи любопытные гусаки, заплетничали глупые куры, возмутились важные петухи, затрясли дряблыми подбородками индюки — подумаешь, еще и не таких видали!

Дед быстро взял все в свои руки, и переполох перешел в нормальное деловое общение. Был предложен честный бартер: меняем буряковку на партию клеенки из Парижа, игнатовку — на оперетту Кальмана «Сильва» в исполнении столичной труппы, опанасовку — эх, где наша не пропадала! — на трамвайную линию с двумя вагонами. Та ну... какой там трамвай? То ж надо рельсы тянуть... Это не проблема! В наш век научно-технической революции какие-то рельсы — я вас умоляю! А кондуктором будет вот эта милая барышня. Не, она не может. Она в университет поступила и надо ехать. А? Ладно. Кондуктора назначите сами.

Тетьа Клава цвела, гордо поглядывая на односельчан. Поначалу она стеснялась городских родственников — уж больно высоко занесло племянника, но оказалось, что Элин папа простой, не важничает, хоть и образованный — сразу видно.

Из села выехали под вечер, нагруженные съедобными дарами. Драгоценные рецепты, законспектированные Элей, Дед надежно запрятал в баул.

— До Парижа бензина не хватит, — озабоченно произнес Толя.

— Где ты его взяла? — вновь уточнил Дед.

— Ой, не могу, умираю! — зазвенела колокольчиком Эля. — Ты что, серьезно? Папа пошутил. Кто в Париж без загранпаспортов ездит?

— И без смокингов, — добавил Дед. — Короче, план такой: звоним Мане и диктуем пока буряковку. Пусть начинает переговоры.

— А... э... — сбитый с толку Толя издавал неясные звуки.

— Не мычи. Спрашивай, что непонятно. Четко и ясно.

— А... э... так она ж себе все захапает! — наконец сформулировал Толя.

— А мы с ней контракт заключим.

— Толечка, милый, какой ты у меня наивный, — опять засмеялась Эля. — Ничего, привыкнешь.

Поначалу Толя пугался размаха планов, но быстро понял: главное — движение, а результат неожиданно выпрыгнет. Может быть.

***

Жизнь кипела, бурлила и выплескивалась. Надо было везде успеть: доставить Деда на Крещатик к бастующим донецким шахтерам, митингующим черноморским морякам, протестующим запорожским металлургам, голодающим работникам торговли, бунтующим матерям-одиночкам.

Дед сочинял для них хлесткие, как выстрел, лозунги. Транспаранты, наспех написанные гуашью, вздымались над толпой, трепетали на ветру, плакали цветными слезами под дождем, увядали на газонах, раскисали в лужах. Приходилось придумывать новые, поэтому в центр ездили часто.

Но и периферию не забывали: то родственницу из Сургута надо было отвезти в Белую Церковь, по дороге обменяв три мешка сахара на кровяную колбасу; то провести переговоры в Золотоноше об открытии детской школы искусств с отделением корейского фольклора; то наладить торговлю горячим кофе и хот-догами в платном туалете на черкасском автовокзале.

Дед, обретя транспорт, а с ним личного водителя и исполнителя в одном лице, развил небывало бурную деятельность. Открыл кооператив по борьбе с сосульками, закупил три тысячи метров красной ленты для ограждения опасных мест, заставил Толю обвязать деревья у ближайшего дома, но сосульки по-прежнему обрушивались, вздымая веера ледяных осколков, а пешеходы скользили по проезжей части и сильно ругались. Тогда две тысячи девятьсот девяносто метров красной ленты были сданы в аренду лодочной станции, но она зимой простаивала. Идея о фрахте ледокола не прошла, так как все ледоколы были заняты в Ледовитом океане.

Толина однокомнатная малосемейка служила одновременно штабом и складом, что было счастьем — Елена Ивановна лишний хлам выбрасывала. Пока Дед с молодоженами носились по стратегически важным объектам, она сражалась с нашествием дедовых дочек от предыдущих браков.

Дочки прилетали на самолетах, приезжали на поездах, автобусах и оленьих упряжках. Многие прибывали с мужьями, детьми и даже внуками. Опасность

заклучалась не в том, что могли возникнуть непредвиденные расходы. Елена Ивановна никогда жадной не была и отличалась буйным гостеприимством.

Кроме того, дочки повыходили замуж за банкиров, книгоиздателей и греков-олигархов; скороговоркой перечисляли блага, которые они планируют обрушить на дорогого папу, но всех благ назвать не успевали, поскольку поспешно изгонялись.

Елена Ивановна защищала самое дорогое — свою семью. Во-первых, вслед за дочками вполне могли подтянуться их мамы — и что тогда? Во-вторых, Эля точно знала, что она — единственный поздний ребенок любящих родителей. Единственный! Соответственно и сама Елена Ивановна — единственная.

Чемоданы, саквояжи, сумочки вылетали в окна, шлепались под ноги изумленным прохожим, лопались и выпускали на свободу кружевное белье, гипюровые блузки, панбархатные платья, изящные туфельки из крокодиловой кожи, перламутровые пудреницы, золоченые флаконы. Тончайший аромат веял над Оболонью, привлекая мечтательных парашютисток.

Дети рисовали на асфальте губной помадой и играли в «классики» пудреницами, старушки разглядывали открытки с видами Рима, почтальонша Галя прятала за пазуху глиняные сувениры с Крита.

Ничего этого Эля не знала, хотя и до нее доносился аромат французских духов, — ей было некогда. Дед все-таки устроил ее на работу. Подкараулил, когда откроется еврейская газета, — и явился.

— Приветствую! Сразу предупреждаю — вам сильно повезло! Можно сказать — счастье привалило! Потому что газету делают... Ай, да какие деньги? Деньги — само собой разумеется, без денег даже мой приятель Изя Фейшенбахер... Что? Вы не знаете, кто такой Изя Фейшенбахер? Так мне вас жалко. На вид такой приличный, образованный человек — и не знает, кто такой Изя! Что? Ближе к делу? Так ближе уже бывают дети! Вы мне еще будете целовать ручки, что я вам привел таки настоящего журналиста, а не какого-то шлимазла. Дочь, иди сюда!

Редактор, ошеломленный натиском, взял Элю внештатным корреспондентом и дал задание: написать что-нибудь такое... эдакое... в общем, на злобу дня.

— Пап, ты с ума сошел! — возмутилась Эля на улице, оглядываясь на редакторское окно, в котором нервно дернулась штора.

— Чего это? Ты мне еще будешь целовать ручки! — задержался в образе Дед.

— Пап, кончай! Ты чего там ваньку валял?

— Не Ваньку, а Хаима, — обиделся Дед. — Это же еврейская газета, надо учитывать.

— И о чем я должна писать, по-твоему? Я же не умею.

— Научим. Поможем. — И Дед заторопился на поиски пишущей машинки.

На Андреевском спуске удалось выторговать «Ундервуд» с ятем, ижицей и ером, у знакомой секретарши позаимствовать пачку бумаги.

Эля вздохнула, заправила в каретку шесть листов, прослоенных фиолетовой копиркой, и стала ждать прихода животрепещущей темы. Взгляд ее рассеянно блуждал по комнате.

В центре возвышался сундук, набитый сосульками, мерцающими хрустальными гранями; супружеская постель вздымала подушки-паруса над лодкой, на борту которой свежей краской было выведено «Ася»; токарный станок стыдливо прикрывался кружевной салфеткой; гору атласных цилиндров венчало мексиканское сомбреро, расшитое золотой тесьмой, в нем хрустели капустными листьями кролики; в лианах, обвивающих окна, ссорились оранжевые попугаи, истерически визжали мартышки, шипел безобидный удав Кеша, порхали синие бабочки.

Слон, дотянувшись с улицы до второго этажа, протрубил в окно спортивный марш. Эля вздрогнула и наступала указательным пальцем заголовок: «Подготовка талантливых детей для олимпийского резерва».

***

Статью редактор забраковал. Сказал — мало конкретики. Еще сказал — вот когда команда для олимпийского резерва будет готова, тогда посмотрим. Надо реальные события освещать, а не витать в облаках. Эля никаких реальных событий не знала и решила сочинить балладу, но в голову лезли «Ой ты, гой еси, добры молодцы...» Папа сказал, что гой, пусть даже еси, в еврейскую газету давать ни в коем случае нельзя.

— Ну, знаешь! — возмутилась Эля. — Ты сам меня втянул в эту авантюру!

Папа мгновенно исправился и перебрался к молодым — дома выл пылесос, гремели кастрюли, верещала соковыжималка и отпугивали вдохновение. «Ундервуд» застрекотал, напрягся и выдал «на гора» серию статей про немедленное прекращение добычи угля в Донбассе и выращивание в шахтах страшно полезных грибов в промышленных масштабах; про борьбу с радиацией при помощи печеных яблок; про лечение варикозного расширения вен экстрактом ландыша обыкновенного и про уничтожение картофельного вредителя долгоносика ультразвуком.

Редактор сказал: не отвлекайтесь. Ближе к теме. Ха! Пожалуйста: в джунглях Амазонки ученые открыли древнее племя египтей, которое захватило в рабство древнее племя иудов. У иудов был смелый человек Мои Сим. Младенцем он приплыл в каноэ по бурной реке, его чуть не утащили анаконды, но он спасся, вырос, освободил свой народ и дал ему конституцию, а потом сорок лет водил всех по джунглям Амазонки, а потом...

Редактор сказал, что он уволится, застрелится и уедет в Аргентину охотиться на львов. Ха! На львов — в Аргентину! Когда любому ясно — надо ехать в Центральную Африку, в прерии, пампасы — простите! — саванну. Вы уже были в Кении? Нет?! Так поезжайте и спросите, как надо ловить львов. Надо потихоньку подкрасться и подбросить им коосулю. И все! Что? Где взять коосулю? Вы меня будете за это спрашивать? Если вы не знаете, где берут коосулю, тогда нам не о чем разговаривать. Уже сидите дома и кушайте борщ.

Нет, не стояла газета таких титанических усилий. Тем более что она перестала выходить, потому что редактор действительно уехал, но не в Кению, а в Фастов, выращивать персики. Персики хорошо помогают при неврозах (почерпнуто из статьи Деда). Но одно полезное дело газета все-таки совершила: напечатала объявление о наборе в группу волонтеров.

Дед, внимательно исследуя каждый номер в поисках своих так и не опубликованных материалов, наткнулся на важную информацию и загорелся. Искра, брошенная случайной знакомой (то ли Эммой, то ли Инной), вспыхнула и подтвердила пророческие слова: «Из искры возгорится пламя».

А если кстати припомнить, что подпольная газета большевиков «Искра» разожгла целый революционный пожар, тогда вообще логично, что еврейская газета устроит маленький бемс в Элиной судьбе. Она поедет в Израиль, попутно расширит свой кругозор, обогатит словарный запас и найдет уже себе нормального мужа.

Толя — это несерьезно. Хороший исполнитель, и то не всегда. Никакой инициативы, творчества, полета фантазии. Правда, поручения выполняет безотказно, но постоянно влипает в сомнительные истории. Вот, не далее как вчера, подписывал в санэпидстанции разрешение на открытие страусиной фермы, так задумался и прихватил очень важную папку с чужими документами. Пришлось извиняться,

оправдываться и обещать покатать на страусе, когда будет. Это научная организация труда? Одно расстройство.

— Короче. Я тут подумал и решил: надо Эльку срочно в Израиль отправлять. Делать тут все равно нечего — газету закрыли. А там — перспектива! Вы вообще в курсе, что Израиль на первом месте по научным открытиям? Так я вам скажу — там такие возможности!

— А как же Толя? Я без него не поеду, — Элины глаза наполнились слезами.

— Толя мне тут позарез нужен.

— Ага, без него Киев просто рухнет.

— Я что, должен пешком бегать? Мне срочно нужно в пожарную охрану, в зоомагазин за клетками и в школу на открытие музея боевой славы. Ты понял?

— Понял... — сник Толя. — А это... надолго Эля поедет?

— Да на месяц всего. Мы с тобой кучу дел провернуть успеем. Кстати, надо немедленно перевезти оборудование для химической лаборатории. Я уже с директором школы договорился. Все равно у них дети кабинет химии взорвали. Так надо срочно забрать то, что осталось.

— Так! Взрывов нам еще не хватало! — Елена Ивановна принялась так яростно взбивать яйца в миске, что брызги зашипели на люстре и запахло яичницей. — Отец! Что ты еще придумал?

— Мать! Ты хочешь лежать на пуховой перине и есть ложкой сгущенку прямо из банки как царица? Так слушай сюда: мы будем синтезировать лекарство от всех болезней. Состав я уже определил. Главное — гриб чага. Растет на березах.

— И что? Ты хочешь нас взорвать? Чтоб уже твои чаги летали по городу вместе с березами?

— Тихо! Ша! Лабораторию организуем у детей. Все равно Элька уезжает, а Толя будет следить за циклом — ни в коем случае нельзя прерываться. Если остановиться хоть на секунду — все! Но сначала надо сделать запасы чаги. Едем завтра. Старт в шесть ноль-ноль. Прием! Как слышишь?

— Слышу хорошо, — покорно вздохнул Толя.

...Они лежали в лодке под названием «Ася», укрывшись панамским флагом, захваченным дедом с пиратского корабля на заре его юности.

В колбах томился волшебный гриб чага, настаивались лесные травы, кипел таинственный корень мандрагоры, млели лепестки полевых цветов, источая драгоценную влагу. Капли по изогнутым стеклянным трубкам сочились в перламутровую раковину, добытую ныряльщицей-девственницей со дна Эгейского моря, потому что всем известно — лекарство от всех болезней нужно собирать исключительно в такую раковину, иначе все пропадет. Опалесцирующая жидкость светилась, соперничая с луной. Лодка плыла, покачиваясь, сквозь ночь. Эля шептала:

— Я боюсь. Вдруг ты меня забудешь. Или разлюбишь. А я тебя никогда не разлюблю. Ты знаешь, как я тебя люблю? Так сильно, что просто ужас. Ты меня будешь ждать?

Толя не отвечал, зарывшись лицом в ее пышные медно-красные волосы, и вдыхал запахи полыни, ромашки, чабреца. Журчал Элин голос, журчали капли, собираясь в лекарство от всех болезней. От всех, кроме одной, потому что даже Дед не может изобрести лекарство от любви.

***

Дед прибыл с инспекторской проверкой ровно через две недели. В аэропорту Бен-Гурион его встретил плакат: «Не думайте, что вы самые умные. Здесь все такие».

«Посмотрим», — недоверчиво хмыкнул Дед, падая в объятия друзей, приятелей, знакомых, путаясь и случайно обцеловывая пробегающих мимо незнакомых. Роза, жена друга детства Гриши, прижала Деда к мощному бюсту и оттеснила не менее мощным бедром других претендентов, а Гриша, непосредственно друг детства, подхватил потертый баул. Полузадушенный Дед был посажен в машину, зажат между двумя рослыми внуками и увезен под разочарованные крики. Едва отдышавшись, он вклинился в Розино перечисление исторических мест, которые они немедленно посетят (в том числе тетю Фиру, которая готовит настоящий форшмак, а не эту отраву, как Люся), и деловито уточнил у внуков:

— Как зовут? Сколько лет? Чем занимаетесь? Ду ю спик инглиш? Парле ву франсе? Шпрехен зи дойч?

Внуки охотно залопотали на непонятном языке, и Дед пояснил, обращаясь к старшему поколению:

— Надо срочно найти Эльке жениха.

— Так она вроде замуж вышла, — удивленно обернулся друг детства.

— Гриша! Я тебя умоляю! Следи за дорогой! — Роза всколыхнула воланы на груди. — И что? Она уже разошлась?

— Разошлась? Пока нет, но скоро, — пообещал Дед.

— Так надо думать!

— Уже, — успокоил Дед.

Не сразу добрался он до обожаемой дочери. Благосклонно принимая приступы всеобщего восторга, щедро платил за гостеприимство. Фонтан идей оросил иссушенную землю обетованную. Трое друзей (бывший профессор-физик, бывший доцент-математик и бывший преподаватель марксистско-ленинской философии) подметают улицы. А скорость и направление ветра они учитывают? А траекторию движения метлы рассчитали? Умножаем радиус окружности подметаемой территории на вектор... (Какой вектор? При чем тут вектор?) Ай, отстаньте. Умножаем — и все. Раз! — и производительность труда увеличена. Два! — и все уволены, потому что теперь с заданием играючи справится юный араб с неоконченным средним образованием.

Вдохновенный успехом, Дед учил знакомых варить рассольник, культивировать финиковые пальмы, воспитывать хомяков, класть кафельную плитку и прибивать набойки на каблуки. Спасаясь бегством от благодарных учеников, свалился на Элю.

— Так-так-так. Чем занимаетесь?

Ничего особенного. Так. Фасуем потихоньку. Фасуем продукты для воинского подразделения. Каждому солдату надо упаковать апельсин, два банана, помидор. Дед понаблюдал за процессом: апельсин, два банана, помидор... апельсин, два банана, помидор... апельсин, два банана, помидор...

— Стоп! Так дело не пойдет! Совершенно непроизводительный труд. Я тут посчитал: на одну казарму надо два ящика апельсинов, четыре ящика бананов, три ящика помидоров. Сами поделятся, не маленькие. А мы в сэкономленное время будем купаться и играть в пляжный волейбол. Вы умеете играть в пляжный волейбол? Нет?! Так я вас научу!

Волонтерскую программу временно прикрыли, но Дед успел найти семнадцать претендентов на руку и сердце дочери, а также возможность остаться в Израиле на подольше.

Эля не возражала против подольше, потому что не хотела расставаться с Мишей. Он руководил волонтерами, пока его не призовут в армию, и пленил женскую половину группы сверкающими черными очами, смоляными блестящими кудрями, спортивной фигурой и ростом (1 м 92 см).

Маленький, серенький, невзрачный Толя поблек, съезжился и превратился во вчерашний день, но продолжал носиться по Киеву и Киевской области, выполняя поручения по списку, оставленному Дедом, а в минуты отдыха разливал лекарство от всех болезней в пузырьки из-под валерьянки.

К счастью, Дед утратил бдительность и не заподозрил существования Миши, иначе непременно забраковал бы его.

Поймать Мишу было просто. Достаточно было подвернуть ногу в нужном месте и в нужный час, предварительно разметав рыжие локоны по плечам. Банально, но сработало безотказно. Но, может быть, помог взгляд карих бархатных глаз, беспомощно брошенный снизу вверх? Или нечаянно расстегнутая на груди блузка? Кто знает, из чего рождается глубокое сильное чувство?

Дед улетел, нагруженный сувенирами, подарками и передатками для родственников, в том числе медвежьей шкурой и арбалетом для парализованной тети Эти. Эля, проводив папу, поехала знакомиться с Мишиными родственниками.

— Что это за глупости? — Мишина мама мыла посуду после ужина так громко, что соседи тревожно поглядывали на небо. — Какого смысла было ехать из Одессы, чтобы найти себе то же самое?

— А! Так она из Одессы? — обрадовался Мишин папа.

— Я знаю? Когда примчались, умчались — и все. Но она мне категорически не нравится, даже если она сто раз из Одессы!

— Между прочим, именно это говорила моя мама...

— Твоя мама! Она таки имела голову как Дом Советов, твоя мама! Когда ты уже учился на третьем курсе — так можно было делать планы. А Мишеньке еще в армии служить, потом учиться. А карьера? Карьеру ты подумал? Не делай мне вырванные годы! Ой, и где его глаза?

— Милочка, не расстраивайся. Такая красивая девочка, прямо цветочек.

— И что, я должна посадить этот цветочек на клумбу? Или у себя в спальне? У нас и так повернуться негде.

— Так снимем квартиру.

И сняли. Правда, Мишиному папе пришлось делать массаж еще и в соседнем отеле. И устроили Элю продавцом косметики в фирменный магазин у самого Мертвого моря. Правда, Мишиной маме придется пожизненно делать стрижку и укладку старшему менеджеру, пока она уже не облысеет, чтоб она была жива и здорова!

Целыми днями Эля уговаривала русских туристок немедленно купить вот этот чудо-крем от морщин, этот — от увядания, этот — от угрей, а этот — от всего сразу. Очередной неповоротливый автобус выпускал из чрева порцию путешественников, полных энтузиазма читать газеты в тяжелой вязкой воде. От этой газеты Элю уже тошнило — будто экскурсоводам больше сказать нечего.

Отдыхающие качались ваньками-встаньками в густом море. Эля от скуки хамила покупателям, пока не слышала старший менеджер. Галдящие туристы, поплухавшись в море, омывшись под душем и обвешавшись пакетами с косметикой, вырывались на свободу — туда, где сизой лентой извивается шоссе вдоль пологих розовых гор. А Эля оставалась — улыбаться, уговаривать и в миллионный раз слушать про осточертевшую газету.

Миша приезжал из армии — белозубый, загоревший, с автоматом, — но Эле казалось, что выходные у него бывают слишком редко. Правда, когда ее стало тошнить по утрам до упоминания газеты, стало ясно, что не так уж и редко. Пришлось звонить в Киев и сообщать, что она выходит замуж. Поэтому пусть папа срочно подключает связи и оформляет развод.

Толя сильно расстроился, что надо писать какое-то заявление, но Дед сказал: так надо.

Мишина мама сказала, что государство заботится о матерях-одиночках и выплачивает им такие огромные деньги, что сам Ротшильд позеленел бы от зависти. Особенно, если у ребенка нет никакого отца.

Особенно, если тот, кто мог бы считаться отцом, прячется под надежным укрытием танковой брони вместе с обольстительной Сонечкой. Царю Соломону пришлось бы заново переписать «Песнь песней», ибо не было у Суламифи папы, который успешно занимался поставками медицинского оборудования. Так успешно, что уже мог себе позволить отправить любимую дочь на учебу в Канаду. Естественно, с Мишей, потому что ехать без него Сонечка отказалась наотрез. «О, пусть он целует меня поцелуями уст своих!»

О! Ты прекрасна, возлюбленная моя! Сладше меда твои уста, мягче шелка твои волосы, нежнее атласа твоя кожа. Глаза твои — синие озера, руки — белоствольные березы, волосы — золотые кленовые листья.

Уже лихорадочно выбирают галстуки профессора лучших колледжей провинции Нью-Брансуик, пьют укрепляющий чай взволнованные хоккеисты, репетируют пылающие закаты Великие озера, включают праздничную иллюминацию Оттава и Квебек, моют улицы с шампунем Торонто и Монреаль, красят фасады домов Ванкувер и Калгари, радостно низвергается Ниагарский водопад, самозабвенно танцуют серебристые лососи, ликующе трубят лоси, содрогается раскаленный танк, о возлюбленная моя!

Мишина мама сказала, что надо быть уже полным идиотом, чтобы не использовать эти возможности. Миша идиотом не был. Самолет разогнался по взлетной полосе, взмыл и ворвался в облака с таким грохотом, что вздрогнули стекла в окнах родильного зала, но не дрогнул опытный акушер Рувим Моисеевич, и Маруся попала в надежные руки.

Эля шептала: «Беги, друг мой, беги, милый, и будь подобен серне или молодому оленю на горах бальзамических». Она наденет батистовую рубашку с кружевами, распустит по плечам волны золотых кудрей и босиком, прижимая к груди пищащий сверток, устремится на север. Белой птицей полетит над бушующими морями, странствующие поэты примут ее за сирену и сложат о ней мифолоеммы.

Пойдет по каменистым тропам над горными ущельями, изнемогая от голода и жажды, и взмолится: «Подкрепите меня пастилою, устройте мне ложе из яблок, ибо я любовью больна...» Добрые турчанки подадут ей пресные лепешки, гордые кавказцы — козий сыр и молодое вино, щедрые украинцы — яблоки. Она будет упорно идти все вперед и вперед, несмотря на израненные ноги и истерзанную в лохмотья батистовую рубашку, и упадет, обессиленная, у порога отчего дома, последним движением протягивая спасенную Марусю...

— Никогда не думала, что моя дочь такая бессовестная! — Елена Ивановна сердито ткнула пальцем в соковыжималку, отчего та взвыла и судорожно затряслась. — Сама сиди со своим ребенком! Нечего шастать туда-сюда!

— Мам, но я же ненадолго ее оставляю. Устроюсь и заберу. Мне работу предложили в Эйлате. Там такие перспективы...

— Перспективы! А ребенка на меня повесишь? Сил моих нет. У меня, между прочим, давление, гемоглобин и зубец на кардиограмме. А кормить? Чем я кормить ее буду?

— Мам, не смей меня. В наше время полно детского питания.

— Все! Вопрос закрыт! — Елена Ивановна с грохотом швырнула сковородку в мойку. — Даже не проси. Я и так как белка в колесе — всем приготовь, принеси, унеси. Все!

— Найдем няню... — высунулся в приоткрытую дверь Дед и спрятался.

— Няню ты наймешь! Нанимательщик великий! Тебе самому няня нужна! — кипятилась Елена Ивановна.

Впервые Дед растерялся. Прогонял смелые идеи об организации артели трудолюбивых вьетнамцев по пошиву пеленок, о поставках детского питания из Сингапура, о поселении карликовой дойной козы на балконе. Теоретически он прекрасно знал, как растить младенцев (учить плаванию, иностранным языкам и начертательной геометрии), но на практике боялся на руки взять, опасаясь повредить хрупкое тельце. Подкрадывался на цыпочках к кроватке, замирал и, затаив дыхание, умилялся на расстоянии.

Что же делать? Эльке надо думать о будущем и ехать, но как быть с малышкой? На Толю надежды нет. Узнав о возвращении Эли с младенцем, он устроил бунт. По инерции еще продолжал выполнять Дедовы задания, но неохотно. Выволок из квартиры рассохшуюся лодку, на борту которой выцвело имя «Ася», и порубил ее в щепки. Хрясь! — а пропади все пропадом! Хрясь! — и получше найдутся! Хрясь! — вот возьму и женюсь на Надьке! Потом сел в зеленый москвичок и уехал к тетке в село. Картошку надо копать.

Эля рыдала, Дед прятался, Елена Ивановна бушевала. Три дня ревела буря, гром гремел, в мраке молнии блистали, а также выли ураганы, носились тайфуны, свистели самумы, вихрились смерчи. На четвертый день Елена Ивановна взяла веник, намела гору осколков и выбросила в мусоропровод. Звон укатился вниз и затих.

— Ладно уж. Ехай. Горе ты мое луковое.

***

Марусю принялись портить в четыре руки. Точнее, в восемь. Дед все-таки сохранил почтальоншу Галю: уговорил бросить профессию и податься в няньки. И Толя дрогнул, хотя долго стоял как скала. Три дня. А на четвертый оказалось, что с ребенком некому гулять. Галя получала расчет, Елена Ивановна добывала талон к невропатологу, а Дед один не справится.

Правда, Толя сохранил независимость. В коляску не заглядывал, вопросов не задавал, шел рядом, отвернувшись, отчего споткнулся и едва не упал. Дед налегал на Марусин экипаж а-ля волжский бурлак, кричал «поберегись!» и натякался на прохожих. Пришлось отобрать у него коляску, но совершенно необязательно смотреть на розовое личико в обрамлении оборочек. Надо осторожно скатиться по тропинке, убегающей к Днепру.

Нашли уютное местечко под склоненной ивой, уселись на песок и по очереди покачивали коляску — как только движение останавливалось, раздавался требовательный крик. На позывные «уа-уа!» вышла почтальонша Галя. Она получила расчет и хотела отпраздновать вступление в новую должность. Почтальонская сумка обещающе позванивала. Жизнь прекрасна! Солнышко светит, птички поют, волны плещутся, пиво булькает, Дед увлеченно рассказывает о восстании Спартака, Маруся заливается.

Толя осторожно взял ее на руки и пошел вдоль берега. Удивленно вглядывался в золотые ресницы, золотой пух под чепчиком, нежную шейку в складочках. Маруся сонно дышала на сгибе Толиной руки.

— Ой, какой хорошенький! — неожиданно раздался возглас пожилой дамы, выгуливающей внука. — Смотри, Юрочка, какая лялечка! Это у вас мальчик или девочка?

— Дочка, — ответил Толя.

Маруся последовательно училась сидеть, ползать, ходить, бегать, бросаться на пол и, дрыгая ногами, орать «дай!» Совершенствовал свое мастерство Дед: танцевал матросский танец «Яблочко», пел революционные песни и показывал, как мишка рычит. Галя ползала по полу, изображая лошадку, и громко пела «Реве та стогне Днипр широкий». Не отставала и Елена Ивановна: прыгала, держась за сердце, мякала, мычала и даже хрюкала, чтобы впихнуть в Марусю кашу. Девочка выгибалась, отталкивая ненавистную ложку.

Когда трио выдыхалось, Маруся орала басом, пока не приходил Толя. Елена Ивановна, охая, укладывалась на диван с мокрым полотенцем на лбу, а Дед сбегал по делам.

Нервная система Гали дала трещину, она вернулась в почтальоны и до сих пор бегаёт по подъездам, пугая жильцов громким пением про то, как «реве та стогне Днипр широкий».

Одного Толю малышка слушалась: открывала рот и глотала тыквенное пюре, подставляла толстые ножки и терпела надевание колготок. «Ляу!» — требовала она, что означало «гулять». С гулянием тоже справлялся лишь Толя — чтобы догонять юркую Марусю, надо иметь хорошую физическую подготовку.

Божок рос, осыпaeмый сладостями, нарядами, книжками, игрушками. Елена Ивановна ворчала и пыталась навести порядок, но в процессе уборки неизменно приходила к философскому выводу о бессмысленности бытия и, хлопнув дверью, уединялась в кухне — пить валокордин, тереть яблоко и делать паровые тефтели.

Маруся меняла наряды и транспортные средства: от коляски до велосипеда. Правда, москвичок пришлось продать: почему-то катастрофически не хватало денег. Наверное, потому, что на Украине сильно подорожал бензин.

Иногда приезжала Эля и сердилась, что невозможно находиться в этом сумасшедшем доме, и вообще: что здесь делает Толя?

Когда Марусе исполнилось пять лет, привезла целый чемодан подарков. Ленты-кружева-ботинки, что угодно для души! Жаль, что Толя уехал в село. Без него неинтересно. Вот бы они вместе как подули на свечи! И придумали желание. Чтобы пойти в зоопарк. Нет, в зоопарк они и без свечек пойдут, лучше, чтоб Эдик из другого подъезда перестал обзывать рыжей-рыжей-конопатой. А еще пусть купят большой барабан, а то бабушка не разрешает. Говорит, что ей хватает трубы и синтезатора — выше крыши. А еще, чтоб мама насовсем вернулась.

***

Дед бежал к метро через рынок (так вдвое короче) и наткнулся на Арона.

— Приветствую! Ты чего в наших краях?

— Тут дешевле, — грустно ответил Арон.

— А чего такой смурной?

— Алик вчера прилетел из Америки. В гости.

— Так надо веселиться!

— Надо веселиться? Это же несчастье.

— Несчастье? Приехал сын — так это уже несчастье?

— Да. Он приехал, но он опять развелся. Сколько можно? Люся очень расстроилась. Она так расстроилась, что я уехал за продуктами как можно дальше.

— Сразу предупреждаю — вам сильно повезло!

— А чего нам повезло?

— Так приехала Эля. Их надо срочно познакомить.

— Да? — задумался Арон. — Мысль хорошая. Но кто в наше время слушает маму и папу? Они нас крупно имели в виду.

— Ха! Так надо все подстроить! — Дед мгновенно воспламенился. — Главное — поймать попугая. Поймать попугая — и все. Дальше — дело техники. Поймать попугая несложно. Надо будет сказать Толе. Потом нанимаем артиста, тот переодевается шарманщиком и постоит с попугаем на Андреевском спуске. Заманим детей, попугай вытянет специальные билетки, и будет нам счастье. Я знаю, где взять шарманку, только надо позвонить Маркину, чтобы он договорился с музеем, потом...

— Прекрасный план, — перебил Арон. — Приходите к нам в гости. Сегодня вечером. Вместе с Элей.

И вспыхнуло глубокое сильное чувство. Каждый внес свой вклад: Эля — внешность Венеры Боттичелли, Алик — успешный бизнес и — вы не поверите! — столицу штата Нью-Йорк! Сверкающая жемчужина, тысяча и одна ночь, вихрь развлечений! Сказочный город искрился огнями небоскребов, манил шикарной жизнью, но ему не хватало Шехерезады. Эля благосклонно согласилась ею стать.

Сияющий лимузин подкатит к самому роскошному ресторану, услужливый швейцар распахнет дверцу машины, на мостовую выскользнет изящная ножка в серебряной туфельке, затем легко выйдет вся Эля в длинном вечернем платье цвета морской волны, небрежно запахнет палантин из драгоценной шиншиллы, но так, чтобы было видно бриллиантовое кольцо, гордо поднимет голову, качнет сверкающие серьги, небрежно подаст руку, затянутую в шелковую перчатку, своему спутнику во фраке и атласном цилиндре, и пойдут они, соперничая блеском бриллиантов с иллюминацией, прожигать жизнь. О, возлюбленный мой!

А пока они наслаждались любимым городом, танцуя поначалу платонический мэнюэт на Владимирской горке, затем обещающий фокстрот у Золотых ворот и неизбежно закончили знойным танго на горячем песке у Днепра.

Алик был покорен, пленен и поработен. Еще бы! Красавица и умница, успешная молодая леди. Сделала прекрасную карьеру: выросла до старшего менеджера престижного отеля на берегу Красного моря. Ведь совершенно необязательно докладывать, что на самом деле она старший менеджер по уборке помещений, то есть попросту горничная. Правда, ее уважают и ценят. Доверяют наводить чистоту в люксах. И чаевые очень даже приличные.

Конечно, Алик — не Аполлон. Маленький, с торчащими ушками и круглым животиком. Но Америка! Столица штата Нью-Йорк! Лимузин! Шиншилловый палантин!

Было немного тревожно, что стремительный роман не получит продолжения. Но Алик не подвел. Улетел в свою Америку и немедленно выслал вызов. Не только Эле, но и Марусе. Хэппи энд.

Дед сиял. Сбылась американская мечта! Жаль только, что без попугая...

Елена Ивановна сделала генеральную уборку, рассадила рядами кукол, сложила стопками книжки, накрыла синтезатор скатертью и пошла по врачам. Сидела под кабинетами, безвольно опустив руки на колени. Дед лежал на диване, шуршал газетами. Толя вынес на помойку колбы, мензурки и перламутровую раковину, добытую со дна Эгейского моря, застелил кровать суконным одеялом, выдраил полы по-флотски и поехал в село. У колодца его ждала соседка Надя.

— Толечка, а где ж твоя Маруся?

— Уехала. В Америку. С матерью.

— Толечка, милый, — Надя обняла его, не стесняясь чужих взглядов. — И слава богу. Я ж тебя сколько лет жду. Перебирайся уже ко мне. Заживем. Машину

купим. Я для тебя все сделаю, Толечка. Коханный мой... Жалеть тебя буду. А эти захомутали тебя, прислужгой сделали. Сколько можно чужого ребенка растить?

Толя мягко отстранил Надю, повернулся и побежал по тропинке. Теплая пыль оседала на сандалиях, ромашках и васильках в высокой траве.

***

Олбани — столица штата Нью-Йорк. Тоже хороший город. Вполне современный, есть и рестораны, есть и швейцары. Даже лимузин есть. Почти что собственный. Им управляет Алик. Потому что он классный водитель. Его с удовольствием нанимают возить важных персон. Америка тоже есть. Никуда не делась.

Так что все прекрасно. Но есть одна проблема. Алик сказал, что Маруся не ребенок, а исчадие ада. И вообще непонятно, кто ее воспитывал. Она же неуправляемая. И ее надо немедленно сдать в воспитательный дом. Иначе он за себя не отвечает. Он и так целыми днями баранку крутит, практически без выходов. А дома — никакого покоя. Он желает по вечерам культурно отдыхать перед телевизором, а не слушать капризы, дикие вопли и выполнять идиотские требования. И есть прекрасная возможность заплатить авиакомпании, и Марусю будет сопровождать стюардесса. Никаких проблем.

В такси Маруся села к Толе на колени, обняла его за шею, зазвенела:

— А у нас в Америке собачка! Такая лапочка! Толечка, хочу собачку тут!

— Нам бабушка такую собачку устроит, — обернулся с переднего сиденья счастливый Дед. — Давай заедем в магазин и купим плюшевую.

— Не хочу плюшевую! Хочу настоящую!

— Купим настоящую, — решительно сказал Толя. — У меня места полно.

